

18+ Александр Воронков

НЕВЫШЕНОЛЯ

экстремальные виды туризма

Александр Воронков

НЕВЫШЕНОЛЯ.

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ВИДЫ ТУРИЗМА

«Издательские решения»

Воронков А. В.

НЕВЫШЕНОЛЯ. экстремальные виды туризма /
А. В. Воронков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742792-4

Несколько раздутое эссе-размышление о нестандартных вариантах выбора места отдыха и нетрадиционных способах возвращения оттуда.

ISBN 978-5-44-742792-4

© Воронков А. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Офтальмология подсознания	6
Глава 2. Рафтинг в заповедники социума	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

НЕВЫШЕНОЛЯ
экстремальные виды туризма
Александр Владимирович Воронков

© Александр Владимирович Воронков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Глава 1. Офтальмология подсознания

В начале были уши. И рот. Слово было потом. Иначе нарушается причинно-следственная связь вербальной коммуникации. Хотя и в этом случае она тоже нарушается. Ибо слово, как единица понятийного содержания знаковой системы – явление вторичное. По понятиям стали жить чуть позже. В начале была картинка. Глаза её видели, а мозг ею думал. И только язык окончательно запутал всё. Слова столь многозначны, что смысл размывается и приобретает множество значений, к первоначальному не имеющих никакого отношения. Мы всю жизнь говорим, не понимая друг друга. С собой мы тоже разговариваем. И разговариваем постоянно. Причём это даже не диалог, а какофонический хор голосов наших бесчисленных «я». И каждое из них говорит своё. И каждое требует противоположного, заглушая истинный внутренний голос, голос подсознания. Научившись записывать слова, люди окончательно ушли от истинных образов, заменяя их выдуманной реальностью. И чем дальше, тем больше напечатанная эпическая хрень перемежалась хренью несусветной. Так с детства чистое сознание ребёнка заполняется хаосом бессмысленных знаков, с потугами на реальное отражение окружающего мира.

А мир продолжает говорить с нами языком образов. Любое событие, происходящее с нами есть знак судьбы, служащий нам путеводной нитью по жизни, подсказкой в поиске своего предназначения в данном воплощении. Каждый день, с утра и до вечера, нам показывают картинки, которые, как знаки дорожного движения, должны сделать наш путь безопасным. Но мы не замечаем их и едем по своим или чужим правилам до первого поворота. Оглядываясь назад, многое из того, что происходит с нами, мы начинаем видеть по другому. Многие знаки судьбы становятся явственно видны нам. Но уже поздно. Мы уже уехали не туда. И теперь можно только окольными путями вернуться на свою трассу. На любых дорогах нас предупреждают об осторожности. Нам показывают правильное направление всегда. А мы едем, смотрим и опять ничего не видим. Хотя – нет. Некоторые знаки мы всё-таки подсознательно замечаем и действуем иногда вопреки логике, не понимая зачем мы так делаем. Но делаем и поэтому никогда не узнаем того, что с нами могло произойти, если бы... А ещё кое что мы всё-таки замечаем сознательно. Чаще всего тогда, когда нам уже откровенно даётся понять, что надо что-то изменить. Но эти явные знаки поворота обычно воспринимаются нами как судьбоносные. И вместо того, чтобы просто очнуться и повернуть, мы с головой окунаемся в новое забвение, уверовав в его предначертание. Вот почему откровенных знаков в нашей жизни так мало, ибо мы хватаемся за них, вместо того, чтобы оттолкнуться.

Тот год ничем не отличался от других. Бессменный бренд «Дома 2» ещё изучала пестики и тычинки на уроках ботаники в школе №185, а основатель виртуальной ё-мобильной промышленности уже возглавлял банк, стоящий на 346-ом месте в мировом рейтинге. Про прародителя Facebook можно было бы и не вспоминать, памятуя о том, что в десятилетней мальчишеской голове, кроме квестов и пошаговых стратегий ещё ничего и быть-то не могло. Но эта случайная выборка, тем не менее – наглядная иллюстрация того, как эти трое ярких представителей чего-то там, не заблудились в мозговых извилинах предназначения, а заметили дорожные знаки судьбы /если, конечно, их не вели за ручку по асфальтированным тротуарам/. Почему именно их упомянул я всуе? Всё очень просто: к этому времени я уже прошёл все судьбоносные вехи их возрастов, благополучно не заметив ни одного знака. Пролетел, пускаясь во все тяжкие и собирая по дороге всё, что только можно собрать.

Не то, чтобы жизнь совсем не баловала меня возможностями. Но эпоха перемен, жить в которую так очковали древние китайцы, пришлась на мою молодость. Специальность инженера стала невостребованной и множество дорог открылось для пытливого ума, неугомонных ног и рук, растущих не из одного места с ногами... Я строил пристанища новым русским. Сам

был совладельцем охранной фирмы, с двумя сотнями замороженных боксёров и каратистов. Шил меховые ложняки, уподобляясь знаменитому скорняку из детского стишка С. Михалкова. Сидел в палатке в ту пору, когда о кассовых аппаратах не было и речи и торговые наценки зависели только от аппетита и воображения продавца. Торговал в Лужниках, времён тотального периферийного дефицита, когда колготки из лайкры улетали коробками каждый день даже зимой. То есть, свободы, денег и перспектив было как грязи. Но в итоге, в этом году я опять стоял на перекрёстке трёх дорог с горячими мозгами, холодными ногами и чистыми карманами. В похожем состоянии в тот год были только Майк Тайсон, Ким Ир Сен и Адриано Челентано. Первый только вышел из тюрьмы, второй только отошёл к праотцам, а третий окончательно завязал с кино. Хотя на счёт карманов Челентано я совсем не уверен: он вообще по жизни чувак фартовый.

Не скажу, что судьба как-то обделила меня и знаками, направляющая и руководящая роль которых должна была выстроить мою жизнь в правильном направлении. Нет. Всем нам они даются в равном количестве. Дело было, скорее всего, в другом. Судьбоносные события каждого из нас несут в себе личностную подоплёку. И к каждому человеку применяется свой тип знаков, согласно его внутреннему содержанию. Кто-то верит в приметы, кто-то в гороскопы и гадание по руке. Кого-то наставляют на путь истинный вещие сны. Кому-то помогает не совершить неправильный шаг внезапная диарея. В моём случае этими знаками были женщины. Одна из них появилась в моей жизни тогда, когда уже конкретно вставал вопрос о моём становлении как личности. Мне надо было осознать себя, стать самостоятельным и независимым от родителей. Знаки были и до этого много раз. Но так как я их все прощёлкал, был дан такой явный, что я, вместо того чтобы просто прозреть, прозрел и влюбился. Да так влюбился, что женился, вопреки воле семьи. Многочисленные знаки, говорившие мне о неправильном действии моём, опять были благополучно прощёлканы на протяжении восьми лет. И снова был явный знак уставшей от моей тупости судьбы. Снова появилась женщина. Ею был поколеблен пьедестал, на котором безраздельно царствовали Орнелла Мути и Моника Беллуччи, не догадываясь, что индейская кровь Джессики Альбы и Меган Фокс ни в чём не уступает итальянской. И снова я не понял, что мне просто говорят о том, что пути наши с супругой лежат в разных плоскостях. И снова я влюбился в ту, которая просто показала мне это. Показала конечно очень ярко и грамотно. Очень уж явный был знак. И снова я пошёл вразнос. Развод. Проблемы с деньгами, работой и жильём. Всё указывало мне на то, что надо искать выход в другом направлении. Но упрямство, не нашедшее лучшего применения, тянуло меня дальше и дальше в омут негативных подсказок. Любовь, похожая на сон... Но это уже другая история. Наступал полный абзац. Вот на этом этапе и появилась в моей жизни подсказка в образе мужчины.

– Здорово, Сань! – отвлёк меня от печальных раздумий о бренности бытия голос. Я взглянул в его сторону. Ба! Да это ж сосед по дому. В школе он учился на класс старше и в общем-то со школы мы встречались чисто эпизодически. Стояло летнее утро. Что я делал в столь ранний час на автовокзале уже не припомню. Боюсь даже строить предположения о причинах пребывания в этой точке географических и временных координат человека, не обременённого работой и деньгами. Надо думать, это был результат броуновского движения индивидуума, лишённого социальных обязательств перед обществом. Этакое гуляние где вздумается и хождение самого по себе. Скорее всего из одной компании я вяло перемещался в поисках другой.

– Здорово, Андрюх! – обрадовался я знакомому лицу, – Ты как тут оказался?

– Да я то на работу еду – рот его растянулся в улыбке, – А вот ты-то тут чего в такую рань, да ещё такой помятый?

– Гуляю ... – неопределённо протянул я.

– Понятно – хмыкнул сосед, – пиво будешь?

– А то! – я попробовал проглотить сухую слюну.

Через несколько минут мы сидели на скамейке. Я пил пиво и курил, а Андрюха курил и слушал мою душеспитательную историю о мировой несправедливости и качал время от времени головой.

– Да... война и немцы. Эко ты накосячил. – сказал он, дослушав меня до конца, – А знаешь что, поехали со мной в Москву.

– Зачем? – пиво уже начало всасываться и я не уловил тонкую нить логической взаимосвязи моих злоключений с поездкой в столицу.

– Тебе на работу пора устраиваться. Хорош дурака валять. Я сейчас охранником в игровых автоматах тружусь. Посодействую. Сотку зелёных положат, а остальное сам доработаешь – Андрей хмыкнул и подмигнул.

– Так мне и ехать не на что, и видок у меня не комильфо ... – протянул я.

– Фигня это всё. На дорогу я дам, а то, что фингал под глазом – это даже лучше: типа боец ты у нас – он засмеялся и хлопнул меня по плечу, – Поехали, Шура!

Бывает так, что слова постороннего человека, десятки раз произносимые тебе до этого, недостающими пазлами ложатся на мозаику жизни, всё ещё не составленную тобой, и музыка гармонии и покоя разливается по телу.

И мы поехали. Контора находилась в самом центре, недалеко от здания КГБ на Лубянке. Держали её дагестанцы. Моему приезду они оказались чрезвычайно рады и определили меня на точку Белорусского вокзала.

– На смену завтра поедешь, – сказал начальник охраны. – форма одежды: в костюме. Сутки – трое. Сто баксов в месяц. И это... сегодня уже не пей и без синяков обойдись.

Вот они, знаки судьбы: Андрюху, после этой встречи, я уже не видал... никогда. Недавно я узнал, что его убили пять лет назад...

На следующий день я приехал на работу. Закуток игровых автоматов находился в промежутке между двумя залами столовой, напротив метро Белорусская и тоже назывался залом. Заряжающим оператором в смене был дагестанец. Молодой шустрый здоровячек. Мы познакомились и он объяснил мне суть моих обязанностей.

– Короче, ходишь – смотришь. Сидишь – куришь. Клиентам кофе предлагаешь и пепельницы меняешь. В магазин ходишь. Всё.

– А если что? – спросил я, пытаюсь связать свои функции со значением слова – охранник.

– А если что, – сказал даг, – сидишь – куришь. Всё запоминаешь. Бабки отдаём. Ждём крышу и всё рассказываем. Могут, конечно, сразу не поверить и в подвале попрессовать... но это уже, как рассказывать будем.

Летняя жара плавилась воздух, смешивая его с душком московского общепита, который невозможно спутать ни с чем. Вентилятор перемешивал всё это с табачным дымом и гонял по кругу. Галстук давил шею, а пиджак как термос поддерживал внутри состояние вечно горячего чая. Бессмысленность работы мебелью убивала почти также, как вонючий зной. Мысли мои витали где-то далеко, там где сейчас должна была находиться та... единственная, а внутренний диалог с самим собой перегонял обрывки этих мыслей как вентилятор из пустого в порожнее. Время липко тянулось и казалось, что этот день не закончится никогда. Скорее нет, оно просто остановилось и было понятно, что будущего нет.

Я вышел покурить на улицу. Напротив меня, нескончаемый поток людей, шириной в пространство для пешеходов, сужаясь, втягивался в пасть метро. Из противоположной части монстра выдавливался точно такой же поток. И процесс был непрерывен. Всё куда-то двигалось. Даже рядом со мной, у входа в столовую, вспучив асфальт, тянулось к свету какое-то солнцелюбивое растение. И только я замер. Так мне казалось. Наивный... в мире, где всё течёт, потечёшь и ты..

Вышел Мага /оператора звали Магомедом/ и дал мне задание сходить на хитрый рынок, протянувшийся вдоль вокзала по Грузинскому Валу. Бесчисленные старушки продавали здесь

всё на свете, начиная от презервативов и заканчивая квартирой на ночь. Но в этот день я приобрёл у них кофе, сахар, каталку колбасы, крекеры и две пачки сигарет. Есть не хотелось. Курить я уже устал. Поэтому я сел недалеко от клиента и стал наблюдать за игрой. Вообще игровые автоматы были для меня, дремучего, каким-то откровением, чем-то новым и неизведанным. За своими извечными «любит – не любит» я многое упустил из поля зрения. И игровые автоматы в том числе. Для тех, кто тоже в танке, этот этюд об индустрии развлечений общества потребления посвящается.

В те далёкие времена, когда массовая культура Запада только обрушилась на очумевшие совковые головы, начавшееся деление толпы на классы подкорректировало и критерии потребительского рынка. Касте состоятельных нуворишей был предложен свой сегмент кормления души и тела – бутики, рестораны и казино. Всем остальным – Макдональдсы, Лужа с Черкизоном и игровые автоматы. Но дело даже не в этом. Страсть к игре – в природе людей. Не только убогие неудачники мечтают пощупать судьбу за задницу и срубить халяву. Век ложной веры и спасительной лжи никоим образом не меняет природу человека. Он навсегда сделан из мяса, желаний и осознания собственной исключительности. Ум и глупость производны от них, а в основе всего лежит вера. Только она заставляет делать одни и те же ошибки.

Но вернёмся к игровым автоматам. В ту пору Москва в основном сидела на двух из них, на компоте и покере. Первый, в идеале должен был выдавать на барабанах ряд вишенки, арбузов или других фруктов для овощей. Второй был автоматизированным подобием карточной игры, со всеми её флеш роялями и фулл хаузами. Высшим проявлением удачи были, соответственно, пять семёрок или покер. Это уже был джек-пот. На самом деле, менее удачных вариантов существует намного-намного больше. Как мне потом рассказывали прожжённые игроки в автоматы, потратившие на это дело не одну зарплату, в США по федеральному закону автомат обязан вернуть 90% закаченного в него бабла. В противном случае – тюрьма. Деньги в Америке – самое охраняемая субстанция. У нас же дикий капитализм позволил этим процентам стать произвольными, если хозяину игрового бизнеса очень нужны деньги. Проценты могут варьироваться от 80 до нуля. Но на веру в то, что именно тебе повезёт и ты снимешь лавэ, этот факт не влияет никоим образом.

За неполный год работы в автоматах я наблюдал за разными видами «человека играющего» и даже сам успел поиграть и проверить себя на азартность. Всегда, когда прёт, надо вовремя остановиться. Мне, в этом смысле, играть противопоказано – уж очень я заводной. А про удачливость я распространяться не буду. Остальные игроки тоже делятся на спокойных и безбашенных. Первые философски относятся к своей зависимости и к тому, что автомат жрёт и жрёт их деньги. Всё потому, что цель их – получить удовольствие, а не бабки. Я видел очень много людей, которые стучали по кнопкам на удачу, проигрывали, улыбались и уходили. При мне садились играть за один покер по трое, с записями предыдущих игр и комбинаций карт. Эти искали логическую схему, закон, по которому автомат отдаёт выигрыш. Это были – учёные. Они тоже не думали о деньгах. Они хотели сделать открытие. Но чаще всего всё же приходили другие. Те, которые верили в свою удачу и генератор случайных чисел. И поэтому они всегда бывали очень расстроены, когда проигрывались до нуля. Они не хотели верить в обратное, как бы итоги игры не убеждали их в этом. Они закладывали нам золотые швейцарские часы и норковые шубы для жён и любовниц за пару сотен кредитов. Они просили зарядить в долг, уверяя нас, что сейчас пойдёт и они отдадут нам в два раза больше. Но если по какому-то чуду этого не случится, то божились, что вечером привезут долг стопудово. Они угрожали. Они орали и ломали автоматы и бросались стульями. Они придумывали свои приметы, влияющие на фарт в игре. Они по секрету и за бабки узнавали у оператора, какой автомат заряжен на отдачу. /Это кстати был один из способов моего дополнительного заработка: если всё-таки автомат выдавал заветные комбинации и звучала победная мелодия, бонус с выигрыша пере-

кочёвывал к заряжающему и охраннику. Жаль, что про это я узнал, когда уже работал на другой точке и с другим оператором./

Вот в такой обстановке вычленения из сознания разума я начинал медленно подходить к доктрине схоластической философии концептуализма, утверждающей, что сознание выражается опытом, но им не определяется. Говоря проще, наблюдать и самому иллюстрировать пословицу «На ошибках не учатся». И так – каждые сутки трое.

Глава 2. Рафтинг в заповедники социума

О, Магриб! Бессонница, начинающаяся на закате. Самое время внимать богу своего сердца. Немногие поймут меня, в каждодневной суете обыденности. Только ты сам можешь услышать этот голос в тишине своего одиночества. Длинная тень от шатра уже уплыла к горизонту. Жир с кусочков баранины шипит на углях жаровни. Зёрна кофе, отдавшие свою испарину михнасу, растираются в ступке, породнившись с семенами кардамона и цветками шафрана. Сейчас они отдадут воде кофейника свои силы, свой цвет и аромат. А настоявшись в чашечке, вода отдаст это всё тебе. Три чашечки кофе должен выпить каждый за столиком вечерней порой, три пожелания, три тоста произнести, хотя бы в мыслях своих. Первый – за дайф, второй – за сайф, третий – за кайф. Гость, меч и удовольствие – вот три главных ипостаси для тех, кто всю жизнь идёт по пустыне. Поэтому выпей кофе, даже если нет гостя и не с кем поделиться сочной бараниной, и призови женщину. Пусть в темноте шатра skinet она муслин чадры. Пусть одежды её падут на ковры и напоит тебя сладкой отравой страсти её гибкое дикое тело. Пусть она станет гостем твоим, а ты её мечом. Пусть удовольствие, разделившись на двоих, станет сильнее в два раза. О, Магриб! О, неторопливая церемония жизни! Воистину не спешат те, кто проникся пониманием бытия...

– Так! Сейчас ты для начала отсосёшь у этих троих. А потом мы тебя по кругу пустим, сука!

...Туман моего сна не растворился даже, а был словно бы снесён ураганом. Я открыл глаза: мой оператор застыл с поднесённой ко рту чашкой кофе. Одиноким ночной игрок-фанатик так низко стал прижиматься к монитору, словно хотел влезть туда целиком... В дверях зала стояло три омовца с калашами и девах, с размазанной по щекам боевой раскраской.

– Ну чего смотришь? – Толстый летёха толкнул девку ко мне. – Забирай. Прощтрафилась овца. Ща отработает по полной программе. Не стесняйтесь. А мы покурим пока пойдём.

Менты вышли. Немая сцена затягивалась. Игроман молча засуетился, собрал манатки и испарился. Прощтрафившаяся сидела на стуле, куда её кинули, плакала и косилась по сторонам. Даже как-то по-человечески стало жаль бедолагу, вне зависимости от того, что натворила она. Мы с Магой переглянулись. Московская ночная жизнь начиналась... И только я собрался сказать нашей гостье что-нибудь ободряющее, как неожиданно омовцы вернулись, хотя по времени мы явно не должны были ещё управиться.

– Ну чё, курва, поехали в отдел. Ща тебя там быстро научат делиться. – сказал старший, подтолкнул её к выходу и они вышли. Ритуальному соитию этих бонобо в форме суждено было свершиться в другом месте. Хотя нет. Секс бонобо всегда был проявлением дружелюбия. Здесь же имел место чисто акт доминирования. Без всяких потуг на чувственность.

– Удачи, тормоза – донеслось из-за двери.

Мы тормознули и ничего не ответили.

– Да ... – протянул Магомед и ещё с минуту постоял с чашечкой у рта. Потом глотнул, плюнул и вылил остывший кофе в банку с окурками. Включил чайник и по новой стал натирать себе ложкой кофе с сахаром и с парой капель воды. С этим новым способом заваривания кофе я познакомился тут. Смесь кофе с сахаром постепенно, за несколько минут приобретала оттенок кофе с молоком. Появлялся и аромат этой смеси, а при добавления кипятка на поверхности образовывалась пенка. Этакий дагестанский капучино. Мне наверное поэтому и пригрелись бедуинские кофейные мероприятия, что запах кофе стоял по всей нашей забегаловке. Вместе с ароматом кофе в помещении стояла и духота. Я взял стул и вышел в вестибюль. Поставив стул недалеко от стены, я сел по-американски. Только при наличии отсутствия стола, ноги я определил на стену. Закурив, я откинулся и почти ушёл в медитацию. Но какие-то непонятные звуки не давали мне забыться. Слева и справа от меня располагались два зала столовой,

которые на ночь закрывались. И вот слева что-то происходило. Какой-то тихий, но постоянно нарастающий шорох был слышен из темноты зала. Я уже подумал, что это мне мерещится. Но через пару минут я понял, как ошибался.

В полумраке вестибюля, из щели между дверью и полом стали вылезать крысы. Я чуть не проглотил сигарету. Одна, две, десять, двадцать... они лезли и лезли, и не торопясь двигались к противоположной двери. Без тени страха на острых серых мордочках и с наглостью в маленьких злых глазках, они вразвалочку проходили под моими ногами и подо мной, успевая посмотреть на меня и, как я чувствовал, в глубине души презрительно хмыкнув. Смысл этой странной миграции был не понятен. Но он был. И я был свидетелем перемещений этого моря грызунов в пределах отдельно взятой столовой. Казалось, что справа за дверью, в глубине зала стоит Нильс Хольгерссон с волшебной дудочкой и зовёт их туда, откуда не возвращаются. Крысиная демонстрация уже закончилась, а я всё сидел, офигевший от такого изобилия животного мира в центре Москвы. Неожиданно в голове проскользнула неуловимая ассоциация: и я тоже иду по жизни на звуки мелодии, которую разные нильсы играют на моей дудочке... Подошёл Мага. Он не удивился и метафорично изрёк, что крыс в Москве видимо-невидимо, потому что здесь вкусно. Мы вышли на свежесть ночной улицы, покурили и зашли обратно в свою духоту, в надежде подремать до утра. Как вдруг на улице около наших дверей остановилась машина. Послышался шум хлопающих дверей.

– Менты вернулись – предположил Мага. Я хмыкнул и посмотрел на часы – было без пятнадцати два. Поспать сегодня не удастся, успел подумать я, как к нам вошли две девушки.

– Здравствуйте, мальчики! – весело заявили они своё настроение пообщаться. – Мы поиграть. Вы – новенькие? А где Игорь?

– Старых всех убрали – мрачно ответил Мага. – Вам какой зарядить?

– А какой посоветуешь? – подмигнула ему одна.

Почувствовался опыт. Мага зарядил им компот на сто кредитов и сел рядом. Девчонки достали пиво, сигареты и игра пошла. Через полчаса они уже познакомились и ржали с напарником во всю.

– А ты чего сидишь-скупаешь? Тебя как зовут? – повернулась ко мне самая общительная.

– Саша – односложно ответил я, погружённый в свою бессмысленную полудрёму-полуразмышления.

– А меня – Катя. Иди к нам, Саша-Кэмел – засмеялась она.

– Почему Кемел – не понял я.

– А ты похож на мужика, который Кэмел рекламирует. Такой же небритый. – И она снова засмеялась.

Я на самом деле люблю не бриться. Именно в таком ключе: не «не люблю бриться», а «люблю не бриться». Я вообще придерживаюсь теории, что моду на бритьё ввели короли средневековой Европы, которые в своих родственных династических браках начали вырождаться и гормональные сдвиги обделили их, помимо всего прочего, и растительностью на лице. А всякие сказки про бритых консулов Древнего Рима объяснили Фоменко с Носовским. Нечем было бриться до нашей эры, да и смысла в этом особого не было. Тем более, что борода всегда считалась не только признаком мужественности, но и имела тайный сакральный смысл во всех учениях и верованиях.

Я подсел к ним. Мага во всю крутил с Катей, и поэтому автоматически мне перепала её подруга, Марина, что меня не обрадовало и не опечалило. Как впрочем и её тоже. Видя нашу индифферентность к происходящему, Мага предложил выпить за знакомство шампанского. Он достал из поясной сумки с вырубкой деньги и я пошёл на поиски. Палаткам было запрещено работать по ночам. Но в каждой сидел продавец и на свой страх и риск делал бизнес. В эту ночь денег почему-то никто не хотел. Я обошёл всю площадь Белорусского вокзала и только в самой дальней палатке полусонная тётка, подозрительно глядя мне в глаза, продала мне втридорога

бутылку Асти Мартини. За время моего отсутствия пиво было допито, деньги на игру благополучно спущены и поэтому моё возвращение было встречено на ура. Тёплая живительная влага пенно разлилась посредством кофейных чашек в каждого из нас. Стало чуть веселее. Разговор оживился и стал периодически прослаиваться сальными анекдотами. Дело шло к более близкому знакомству. Мага с Катей уже начали отходить в вестибюль на минуточку. Вторая пара тоже сменяла их время от времени. Нашу целомудренность спасло то, что по утрам на точку обычно приезжал менеджер за выручкой и к встрече надо было подготовиться: прибраться и подсчитать наличность. Но поползновение в сторону покушения на добродетель было сделано. И никто особо не сопротивлялся. Никто не вспоминал о главном. Потому что главного не было. А были липкая жара, запах маргаринового фритюра двухмесячной давности и звуки игровых автоматов, напрочь выносящие мозг. И скука. Лето – это лучший период для тех, кто не любит думать, ибо голова не работает и главенствует доминанта маразма. Лето – это приоритетное время имитации тюленей на пляже и вялых репродуктивных игр. Всё остальное – насилие над человеческой природой.

Новая смена, как и все последующие, прошли под знаком экспансии наших экзальтированных подружек. День и вечер тянулись в наблюдении за страстями человеческими, а ночью страсти человеческие переключались в наши головы. Слаб человек. Не стоек перед соблазнами и зависим от обстоятельств. И вступая на тропу лёгкого удовольствия, забывает, что за всё нужно платить.

Мы уже начали привыкать друг к другу. Ночные посиделки уже напрашивались на плавное дневное продолжение. И вот после одной из смен, мы решили культурно провести время вместе. Местом отдыха было выбрано ВДНХ. Правда это был уже ВВЦ и в павильонах, вместо достижений народного хозяйства, были склады достижений чуждых нам экономик, но зато можно было побояться всласть на америкосовских аттракционах. По старой русской традиции веселиться на трезвую голову не принято. Поэтому, затарившись шампанским и шоколадками, мы решили для начала позавтракать на природе. Изобилие природы находилось в непосредственной близости от ВВЦ. Это был Ботанический сад. Пробравшись через проломанный забор в царство запустения и девственных дебрей растительного мира всех континентов и климатических зон, мы благополучно употребили всё принесённое с собой и уже начали было разбредаться, любуясь коллекциями флоры и друг другом... но вовремя вспомнили о цели нашего здесь появления. Всё-таки утро решено было продолжить по программе. Но не тут-то было. Лес не отпускал нас. Дорог не было. Тропинки заросли. О направлении движения мы могли только догадываться. Это было смешно, но мы заблудились в Ботаническом саду. Плюс ко всему к этому, откуда-то вылез сторож и стал настойчиво бегать за нами с палкой. Короче, только через час, Выставочный Центр принял в свои объятия наши тела, исцарапанные ветками, все в листьях и паутине. Испытанный стресс и разыгравшийся аппетит решено было утолить. Шашлык под водочку как нельзя лучше утихомирил и то, и другое. Расслабуха накрыла незаметно. Пока мы парочками бродили по аллеям, бродившее в нас зелье развязывало языки, уменьшая количество запретных тем для разговора. Не всегда говорить помогает думать, но иногда этого и не требуется.

– Давай поцелуемся! – маленькая моя Марина повисла на мне и нас качнуло на отдыхающих.

– Слушай, – спросил я чуть погодя, – А чего ты во мне нашла? Я ж старый для тебя...

– Не, ты – прикольный. А потом, с тобой интересно. У малолеток – одно на уме. А с тобой поговорить можно. И никакой ты не старый.

– Ну не знаю. – мы сели на скамейку. – Как-то всё у нас легко и быстро получается.

– А почему всё должно быть тяжело и долго?! Всё должно быть легко и просто. И радостно! Мне не интересно, что будет завтра. Может – ничего. Я сегодня живу. С тобой вот сейчас. С тобой хорошо – ты умный. Но ты много думаешь. Это – вредно.

– Ага, – ухмыльнулся я. – Всё горе – от ума! И от книг. Многие знания во многие печали...

– Слушай, Кэмел, не грузи! – Маринка вскочила и потащила меня за Магой с Катей.

Мы наконец-то дошли до аттракционов. Сумасшедшие скорости, вращения и женские визги окончательно перевернули наши мозги. Вода фонтана Дружбы народов чуть остудила нас, но Мага потребовал продолжения банкета. И опять была водка и шампанское. И опять мы куда-то шли и о чём-то говорили. И потом мы лежали с Магой на скамейках, голова к голове, а две наездницы скакали на нас, под сенью павильона крупного рогатого скота. День удался.

В одну из смен Мага сообщил мне, что нас ждут в гости к Катиной маме. У неё есть друг, а у него в субботу днюха. Ну и Катя с Мариной там, естественно, будут. Сказано – сделано. И после смены мы были там.

Теперь, оглядываясь назад, я не склонен винить судьбу во всех перипетиях, обрушивающихся на мою голову. Хотя во многих случаях сознание моё как бы выключалось и дальше я действовал на автопилоте. Мною управлял кто-то другой, а я только наблюдал со стороны и удивлялся тому, что делаю. Теперь мне не удивительно то, что немцы обожали Гитлера, русские рабочие воевали с русскими крестьянами, а Калигула делал с Римом, всё что хотел и в разных позах. Дело не в том, что говорят вожди. Дело в том, как они воздействуют на людей. Не слова, а образы заставляют поверить и идти за человеком. Не магия нейролингвистики, а гипнотическое создание в твоей голове нужной картинки управляет твоим сознанием. Собака Павлова forever!

Друг мамы был старше меня лет на десять. Вёл он себя деликатно и интеллигентно. Даже не верилось, что /по словам Магомед/ он только освободился. Он представился Эдуардом. Пока девчонок не было мы сели за стол вчетвером. Праздничный стол хозяйка украсила своими кулинарными изысками. Было видно, что старалась. Сама она цвела от радости и сидела, обнимая пресловутого Эдуарда. Всё было хорошо, пока после третьей рюмки Эдика не переключилось. И начался нефильтрованный базар... Эдик тёр нам с Магой про то, как чалился на киче и как хитро откинулся. Про то, как его достали галимые порожняки и беспонтовые фраера по жизни. Клял по матери непонятки и заморочки неизвестного мира, в который он вернулся из СССР. В конце концов он побожился, что весь базар не в кипешь, если он в натуре не ломанёт какого-нибудь фуфела на бабки. Нам ничего не оставалось, как согласиться с ним. За его удачу мы и выпили по четвёртой, после чего Эдуард встал и позвал нас в коридор.

– Здесь, на площадке напротив – халява! – заявил он, глядя в глазок. – Здесь барыга один живёт. На рынке торгует. Ща мы его щипанём.

Он ушёл в ванную и вернулся с какой-то бутылкой.

– Пошли! – подтолкнул он нас к двери, а заволновавшейся Катиной маме, что-то шепнул, после чего она ойкнула и молча вернулась на кухню.

И мы пошли... в том смысле, что мы с Магой пошли, не отдавая себе в этом отчёта. Мы как два бандерлога делали то, что хотел этот Каа-уркаган. А я всегда думал, что гипнозу не поддаюсь... Эдуард нажал на кнопку звонка и нам открыл мужчина в очках и шортах. Наш предводитель без приглашения втиснулся сам и втиснул нас в прихожую.

– Ты – под кем? – начал он без обиняков.

– Я – сам по себе. – ответил мужчина.

– Ну и ладненько. Теперь я – твоя крыша. – безапелляционно заявил Эдуард. – С тебя лимон пока. А вечером я зайду, потрещим на счёт косяков с беспредельщиками.

– Да ты сам – беспредельщик – усмехнулся сосед. – Ребят, вы чего, совсем милиции не боитесь?

– Я сейчас твоё барахло запалю, юморист – нахмурился вождь. Он почувствовал, что клиент соскакивает с крючка и бизнес-план разваливается на корню. Эдуард отодвинул хозяина

и вошёл в комнату. Там стояли баулы с товаром. И тут я понял, что было в бутылке. Эдик открыл её и основательно окропил мешки бензином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.